

Игорь Зеленский — «Газете»

«Моя биография складывалась из крупных кусков»

Игорь Зеленский, выдающийся танцовщик нашего времени, покоривший лучшие сцены мира, сейчас в Петербурге. На фестивале балета «Мариинский» пройдет его бенефис — в программе «Аполлон» и «Бриллианты» Баланчина и премьера — Concerto grosso на музыку Генделя (хореограф — Алла Сигалова). Накануне балетного вечера с бенефициантом встретилась Гюляра Садых-заде.

В биографии указано место вашего рождения — город Лабинск. Однако, как я поняла, жили вы в Тбилиси. Как вы там оказались?

Там жили мои родители, мой отец родом оттуда. Буквально на следующий день после моего рождения меня увезли из Лабинска. Я провел в Тбилиси свое детство и юность; неплохо говорю по-грузински. Атмосфера Тбилиси, вообще Закавказья — родная для меня. Я до сих пор регулярно езжу туда: вот в мае опять собираюсь. Там балетную труппу возглавляет Нина Ананишвили. Ей удалось оживить тамошнюю балетную жизнь, укрепить балетную труппу. Теперь в тбилисском театре идут балеты Баланчина — я в мае буду в них танцевать. Собираюсь выступить в «Аполлоне», в «Па-де-де» на музыку Чайковского, в «Теме с вариациями». Конечно, точно планировать трудно: посмотрю, как буду себя чувствовать.

А что, у вас проблемы со здоровьем?

Ну, мы же танцовщики — у нас постоянно что-то происходит с организмом. Физические нагрузки огромные, мы перетруждаем организм — он и отвечает. Такова специфика профессии: репетируешь «Корсара» — работает одна группа мышц. Начинаешь делать модерновые вещи — у тебя другая группа мышц работает. Это как нормальному человеку подняться на первый или на шестнадцатый этаж — есть разница? Так и у нас — а мы ведь живые люди.

Вы хотите сказать, что разная стилистика и пластика балетов заставляет танцовщика физически перестраиваться?

Да, и чем старше становишься, тем серьезнее эти переключения влияют на организм. А с возрастом времени на восстановление становится все меньше, а нагрузки возрастают. Ты просто становишься более востребованным, тебя чаще приглашают, репертуар расширяется...

Вы начинали свою жизнь в балете, занимаясь в Тбилисском хореографическом училище у Вахтанга Чабукиани — легендарного танцовщика, блиставшего в Петербурге до войны. Расскажите о нем: каким он был, как складывались ваши взаимоотношения?

Когда я с ним начал зани-

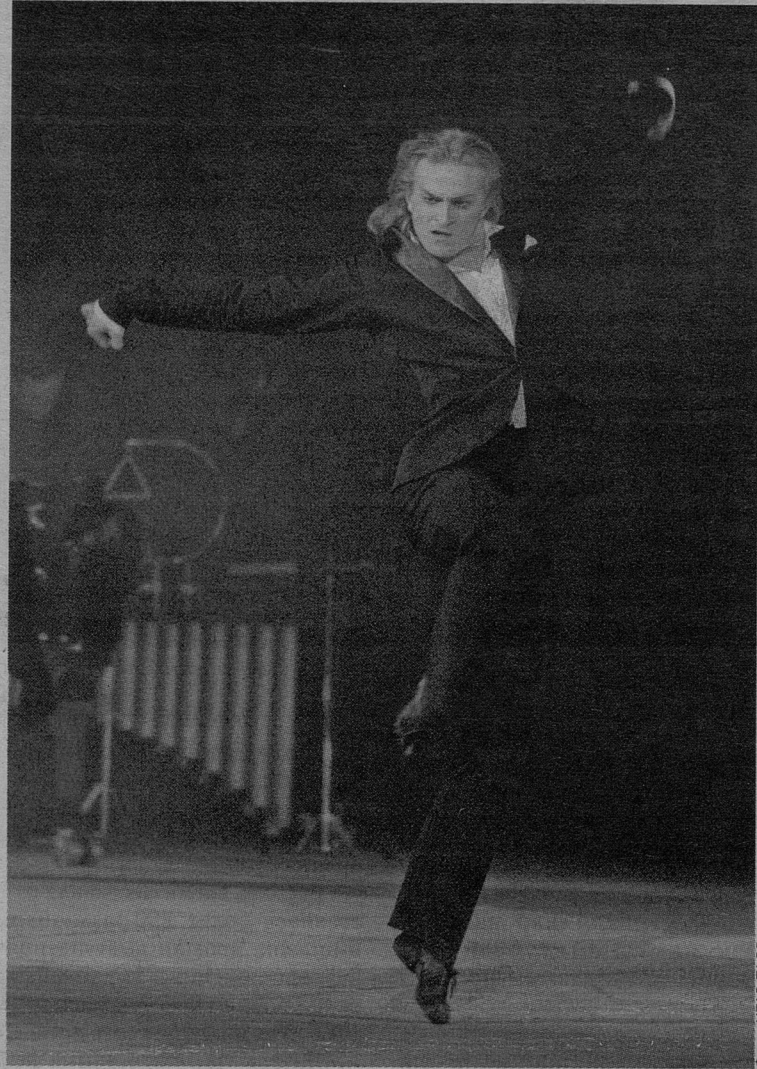

Фото: ИТАР-ТАСС

маться, то был еще не в том возрасте, чтобы понимать, с кем имею дело. Я был мальчишкой, а он, конечно, гениальной личностью: и как балетмейстер, и как педагог, и, вообще как человек. За три года занятий в хореографическом училище мы с ним очень сблизились; думаю, он меня даже полюбил. Из-за него я не уехал учиться в Москву или в Ленинград. Чабукиани взял наш класс с первого курса, и мы занимались очень напряженно. Я знаю, он не хотел, чтобы я уехал, — и я остался, хотя уехать было так просто — тогда ведь у нас была одна страна.

Сложно сказать, что конкретно я позаимствовал у Чабукиани; точно знаю, именно он привил мне любовь к своему делу. От него я перенял серьезное отношение к жизни, к работе, к искусству. Если ты видишь, что у человека глаза горят, когда он с тобой репетирует, не зная усталости, то и тебе становится интересно, и ты веришь, что педагог неравнодушен к тебе, к профессии, к танцу — стараешься быть таким же.

Чабукиани был очень чуток к музыке: все повторял, что главное — это танцевать вместе с музыкой, попадать в ритм, в такт.

Впоследствии вы увлеклись Баланчиным: он ведь по своему тоже был очень чуток к музыке. Быть может, в этой повышенной музыкальности двух разных хореографов прослеживается некая закономерность?

Грузины вообще музыкальный народ: любят петь, танцевать. Но Чабукиани, на мой взгляд, во всем был противоположен Баланчину. Во-первых,

он принадлежал к другому поколению, другой эпохе. Кроме того, Чабукиани увлекала другая сторона искусства — чувственная, яркая; он был очень темпераментным, эмоциональным танцовщиком. С правильностью, совершенством форм, с расчисленной геометрией Баланчина у Чабукиани не было ничего общего.

Но в конце концов вы уехали в Ленинград. Сложно было переменить все сразу — город, педагогов, климат, наконец?

Это стало большим испытанием для меня — попасть в питерскую сырость и слякоть после Тбилиси. Я плохо отреагировал на перемену климата: болел много, все дожидаться не мог, когда отсюда уеду.

Я отучился в Питере полтора года, потом поехал на конкурс в Париж, получил там Гран-при, и мне тут же предложили контракт в Берлине. Был там такой Питер Шафус, знаменитый датский танцовщик, — он меня и пригласил.

Я проработал в Берлине два года и именно там увидел много балетов Баланчина — у нас тогда шел один. Увидел работы Ролана Пети, Бежара — и словно целый мир распахнулся перед глазами.

Однако впервые в Нью-Йорк вы попали, приехав на гастроли вместе с труппой Мариинского театра?

Да, мы выступали в «Метрополитен-опера». Там меня заметил директор New York City Ballet Питер Мартинс и предложил поработать у них. Он заключил со мной контракт, а надо сказать, что труппа NYCB —

довольно закрытая, одна из немногих, в которых практически не работают иностранцы. Там до сих пор царит почти семейная атмосфера, которую создал сам Баланчин. И отношения внутри труппы настолько своеобразные, что чужаку бывает трудно влиться.

Исключение в свое время сделали для Барышникова; Нина Ананишвили несколько раз работала с ними как приглашенная солистка. Но я там гостем не был: я работал по контракту. Это было почти чудо — в труппу NYCB попасть чрезвычайно сложно. Сначала нужно пройти несколько стадий подготовки, начиная со специальной «баланчинской» балетной школы. А я все эти стадии просто перескочил. Мне повезло, что Мартинс меня взял.

Таким образом, вы изучали стиль и балеты Баланчина, непосредственно приблизившись к первоисточнику?

Вот именно: Питер Мартинс помнит все — он возглавил труппу в 25 лет, приняв ее из рук Баланчина, и до сих пор руководит ею. Что касается меня, то я довольно рано понял одну важную вещь: самое главное в жизни — найти правильное место приложения сил. Я чувствовал, учась в Петербурге, что мне нужно уезжать, и я уехал в Берлин. Проработав там два года, я почувствовал, что меня тянет в Нью-Йорк, к Баланчину.

Я оттанцевал в труппе NYCB массу баланчинских балетов и понял в какой-то момент, что нужно развиваться дальше. Тогда я поехал в Лондон, в Royal Ballet, танцевать балеты Макмиллана, узнавая их «из первых рук».

И вот, в Лондоне я опять почувствовал, что нахожусь в нужном месте. Я танцевал там довольно долго, с хорошими партнерами — с Дарси Бассел, Сильви Гиллем...

За последние десять лет в репертуаре Мариинского театра появилось немало балетов Баланчина. Как, на ваш взгляд, отличается манера наших танцовщиков от стиля исполнения Баланчина в NYCB?

Отличается, и очень значительно. Наши люди в Мариинском танцуют Баланчина совсем по-другому; но делают это на очень высоком уровне. А танцевать Баланчина иначе — это ведь не значит хуже.

Как же получилось, что вы, уже работая в Берлине, оказались на гастроли в Нью-Йорк, с труппой Мариинского балета?

Так я же не уходил из театра окончательно — ездил туда-сюда. А потом я уже выступал один в том же Нью-Йорке, после в La Scala, в Рио-де-Жанейро, в Буэнос-Айресе. В общем, моя биография складывалась из крупных кусков: 8 лет я проработал в NYCB, 5 лет — в Royal Ballet, в Лондоне, танцевал балеты Макмиллана, Аштона.

Много ездил с труппой Ковент-Гарден: пока театр был закрыт на ремонт, их балет выступал по всему миру.

А где сейчас ваш дом?

У меня была травма, и мне пришлось пропустить два года. После этого я уже не мог продлевать свои контракты. Но у меня всегда был и есть Мариинский театр. И в Петербурге у меня квартира — есть где жить.

Какие партнерши были особенно важны для вас?

Когда я начинал в Кировском театре, то танцевал со всеми ведущими солистками того времени. Одна из моих самых любимых партнерш — Дарси Бассел из лондонского Королевского балета; я танцевал очень много и с Дарси Кистлер из NYCB. А в Мариинском театре моими партнершами были Ульяна Лопаткина, Диана Вишнева, Светлана Захарова. Захарова занимает особое место в моей жизни — я много с ней выступал, пока мы оба работали в Мариинском театре, и этот дуэт был мне очень дорог. Но, к сожалению, Светлана уехала в Москву, в Большой театр. И сейчас у меня сложная ситуация с партнершами. Я часто выступаю в Мариинском с совсем молодыми девочками. Но дуэт — это совсем другие взаимоотношения с партнершей: когда ты уделяешь ей больше времени, знаешь ее особенности, ее организм до мелочей. Тех, кого я называл, — да, это были дуэты. А танцевал-то я с разными балеринами по всему миру — и с Сильви Гиллем, и с Алессандрой Ферри, и другими звездами первой величины, но с ними у нас постоянного дуэта не сложилось. С Ульяной Лопаткиной в начале ее карьеры у нас был большой дуэт, и мы до сих пор выступаем вместе.

Какие премьеры предстоят вам в ближайшем будущем?

Проектов много — было бы здоровье. Сейчас готовлю премьеру к своему бенефису на фестивале. Скоро поеду в Вену танцевать «Лебединое озеро», потом — в Англию. Будущий сезон вообще предстоит очень напряженный. В Лондоне планирую провести целую неделю — будет балетная программа «Зеленский и Бассел».

Прочла как-то фразу «В партиях Дезире, Зигфрида и Альберта он делает акцент не на благородстве родословной, а на благородстве души». И как это можно различить пластически?

Все от человека зависит, от его личности, от его таланта. Это не каждому дано: по-настоящему сделать большую балетную партию. Беспородных много, а настоящая порода встречается очень редко. И именно такие люди делают балет искусством, превращая набор хрестоматийных па в художественное высказывание.